

были размещены в 21 области и крае. 29 июня 1940 года была проведена очередная депортация, в ходе которой в северные и восточные районы СССР было переселено около 80 тысяч человек. В большинстве своем это были беженцы из центральных польских воеводств: представители интеллигенции, цыгане и евреи, составившие наибольший процент. Осадникам и лесникам была присвоена II категория переселенцев, беженцам - III категория. Из 220 тысяч высланных польских граждан наибольшее количество пришлось на Алтайский и Красноярский края, Коми и Марийскую АССР, Архангельскую, Иркутскую, Новосибирскую и Свердловскую области. Под термином «поляки и польские граждане» подразумеваются как советские граждане польской национальности, так и поляки довоенной Польши (украинцы, белорусы), а также польские граждане других национальностей, проживавшие на территориях, захваченных СССР в 1939 - 1940 годах [1]. Кампания депортации имела характер государственной политики. Решение использовать дешевую рабочую силу спецпереселенцев в ведении трестов наркомата лесной промышленности СССР (НКЛес), было обусловлено народнохозяйственными потребностями. Разветвленная по всей стране сеть НКЛеса через ведомства Главсевлеса и Главлесосплава в Архангельской области объединяла «лесную группу», в которую входили 82 лесосырьевых предприятия: леспромхозы (ЛПХ), механизированные лесопункты (МЛП), и 22 лесосплавных (запани). Крупнейшие тресты лесной группы области находились в городе Котласе: Котласлес и Котлассплав. Эти хозяйства занимали огромную территорию прилегающих к Котласскому району. Отдаленные от центра бездорожьем, они были мало освоены в силу низкой плотности населения и суровых климатических условий. По переписи 1939 года город Котлас (с поселком Лименда) насчитывал всего лишь 26570 человек из общего количества населения Котласского района - 58281 человек [2, л.20], в то время, как лесозаготовительные и сплавные предприятия нуждались в тысячах рабочих.

Заготовка древесины / объем сплотки леса (в кубометрах) и потребность в рабочей силе и техперсонале в IV кв. 1939 г. предприятий лесной группы Архангельской области [2, л.5]

Лесосырьевые предприятия				Лесосплавные предприятия			
Тресты	ЛПХ	Заготовка	Потребность	Сплавконторы	Запаний	Сплотка	Потребность
Ваголес	8	2213,0	10870	Верхне-Тоемская	4	652,0	1643
Двинолес	8	1870,0	9940	Двиноважская	4	2132,0	2119
Котласлес	13	3130,0	15165	Емецкая	3	136,0	1177
Мосгортоп	6	1855,0	8050	Котласская	5	843,0	1572
Облесзаг	26	500,0	2130	Лесная	4	518,0	1100

Мельник Т.Ф.

ПОЛЬСКИЕ СПЕЦПЕРЕСЕЛЕНЦЫ В ТРЕСТЕ «КОТЛАСЛЕС» (1940 - 1941 гг.)

10 февраля 1940 года органы НКВД в западных областях УССР и БССР провели массовую депортацию осадников и лесников - всего 140 тысяч человек. Осадники - государственные служащие, получившие в 1921 году по завершении советско-польской войны в пользование от властей Польши участки лесных угодий (от 30 га на одно осадническое хозяйство) на приграничных с СССР территориях с целью их охраны. В осадах проживали семьями, для работы привлекали лесников. Депортированные

Онеголес	8	1900,0	8490	Усть-Пинежская	2	153,0	785
Пинеголес	5	1830,0	9035				
Севтранлес	8	4750,0	25580				
Итого:	82	18048,0	89260		22	6621,0	8446

Весной и в начале лета 1940 года в Архангельскую область было «водворено» не менее 60 тысяч польских спецпереселенцев «II и III категорий», из них 50 тысяч человек - осадники [3]. Котласлес принял 2623 семьи, или 10000 человек, Котласская сплавконтра - 718 семей или 3172 человека [4]. Таким образом, только на два Котласских треста приходится пятая часть всех высланных в Архангельскую область осадников и беженцев, или 21,7%. Стремясь выполнить завышенные государственные планы по лесозаготовкам и сплотке, администрация Котласских трестов была заинтересована в этой дополнительной рабочей силе, тем более, что депортированные поляки не имели срока высылки. Можно было надеяться на то, что они «закрепятся на производстве», снимая этим проблему вербовки сезонной рабочей силы. Установлено [автором] 46 названий поселков, участков, запаней (далеко не всех) трестов Котласлес и Котлассплав, где в течение полутора лет находились ссыльные польские граждане. В Вилегодском районе: Ванюшино, Задавая, Кенский, Копытово, Нижняя Лупья, Усть-Вилель. В Котласском: Башарова, Макариха, Монастырек, Нижняя Стрита, Северный, Северный Калчуг. В Красноборском: Дябрино, Елюга, Ентала, Нерчуга, Перчуга, Пермогорье, Слобода. В Ленском: Бердышиха, Гретьх, Ель, Ледня, Нянда, Озерное, Пантых, Слободчиково, Уктым, Усть-Очея, Ягвель, Яреньга. В Сольвычегодеком: Западный, Восточный, Копытово, Семиречный, Тесовая, Федяково, Харитоновно. В Черевковском: Абрамково. Кордон, Комартиха, Обиль, Речка, Речушка, Усть-Заруба, Ухваж.

Желания ведомств не были подкреплены возможностями. Расселить огромную армию рабочих с семьями и снабдить ее всем необходимым для жизни и работы при остаточном финансировании и остром дефиците в стране (в глубинке особенно) тресты были не в состоянии. Предприятиям было отпущено крайне мало времени, чтобы подготовить жилье для «новой рабочей силы», поэтому в большинстве из названных мест в течение всего времени ссылки польские граждане не имели надлежащих условий, даже минимальных. Все взрослые должны были в принудительном порядке работать на лесоповале, не разрешалось покидать места проживания, а на работы их выводили только в сопровождении должностных лиц. Их труд оплачивался в зависимости от объема и характера выполняемой работы с удержанием 10 %, перечисляемых на содержание УНКВД по АО. Рабочие должны были иметь для работы в лесу свою одежду и обувь, спецодежда не выдавалась. Питание было организовано через сеть столовых или котлопунктов за наличный расчет. Рабочие II и III категорий были наделены правами «постоянных кадров», что давало им некоторые преимущества перед сезонными рабочими. Например, льготы по соцстра-

хованию: выплату единовременного пособия (300 рублей семейным и 150 - одиночкам), отпускных, декретных. Но вся беда в том, что документ с перечнем льгот был секретным, поэтому много времени ушло на выяснение прав, а не на их предоставление. Социальные пособия на стариков, инвалидов, детей и малоимущих не были предусмотрены, кроме обеспечения в домах престарелых и детских домах. Жители южной полосы, завезенные вглубь северной тайги, были насильно поставлены в условия, далекие от их прежней жизни. Люди были вынуждены существовать, а не жить. Ряд приказов управляющих трестами «О жилищно-бытовом устройстве, о снабжении и трудовом использовании» обязывал директоров пересмотреть распределение осадников и беженцев по предприятиям в соответствии с договором между ГУ Лагом и НКЛесом от 20 февраля 1940 года. Требовалось ликвидировать скученность, «усилить» строительство индивидуальных домов, обеспечить работу бань, открыть ремонтные мастерские для одежды и обуви, цеха «на производстве ширпотреба» с целью трудоустройства «неполноценной рабочей силы». Спецпереселенцев разрешалось использовать там, где работы не требовали капитальных затрат с оплатой за счет кредитов на подготовку к лесозаготовкам [5, л.83]. Ответственным лицам заведомо было известно, что выполнение приказов в указанные сроки невозможно, тем не менее, без промедления они передавались по инстанции сверху вниз. На местах было много работы - мало возможностей. Подтверждают это и материалы рассекреченных документов ГААО по тресту Котласлес.

Размещение польских спецпереселенцев в Котласлесе на начало 1941 года [5, л. 31-178]

Название МЛП или ЛПХ и его адрес, фамилия директора, категория спецпереселенцев: 2-осадники, 3-беженцы	Количество семей	Всего человек	Из них:						
			Дети в возрасте (лет)			Трудоспособные		Инвал. Прест.	Ж/об лет.
			До 3	3-7	8-16	М	Ж		
1.Вандышский ЛПХ, Слободчи-ково Ленского, Кокшаров. 2к.	152	642	25	45	98	194	180	49	51
2.Вилегодский ЛПХ, Ильинско-Подомское Вилег., Армейев. 2к.	96	514	27	71	167	132	110	3	4
3.Дмитриевский ЛПХ, Синики Черевковского, Кошелев. 2, 3к.	173	827	74	87	222	158	128	100	58
4.Красноборский ЛПХ, Красноборск, Лиханов. 3 к.	299	*	*	*	*	320	272	*	*
5.Лахомский, Вершина Черевковского, Черкасов. 2 к.	90	369	25	88	128	77	48	3	-
6.Ленский ЛПХ, Яренск Ленского, Киров. 2, 3 к.	247	807	27	51	171	248	146	110	54

керосиновые лампы, чайники. Совершенно не было жиров и овощей, в связи с чем в Красноборском районе отмечались цинготные заболевания, а в Черевковском 140 человек заболели куриной слепотой. «Все свидетельствовало о том, что трест не уделял должного внимания к «контингенту», которое способствовало бы их оседанию на поселках» [5, л.128].

На 1941 год Главсевлес выделил Котласлесу на строительство для польских спецпереселенцев 783 тысячи рублей. Из них: на жилищное - 550, на культурно-бытовое - 28, на индивидуальное - 205. На 1 мая было освоено лишь 4,2% годового плана, хотя была возможность строить и ремонтировать жилье за счет подготовки к летним лесозаготовкам и амортизационных средств. Если бы во II квартале средства были освоены, то в III можно было бы получить дополнительные. 4 июня 1941 года приказом по Главсевлесу было предложено «немедленно развернуть ремонт и новое жилстроительство» для ликвидации скученности [5, л. 164]. Но на это не хватало ни времени, ни людей - все силы были «брошены» на выполнение государственного плана по лесозаготовкам и спецзаказам.

Общую картину положения, сложившуюся для польских граждан на предприятиях треста Котласлес, дополняют материалы актов проверки их жилищно-бытовых условий и трудового использования. Так, 13 января 1941 года комиссия в составе: райкоменданта В.Ф.Харламповича, инспектора по кадрам Котласлеса А.Я.Пьянкова, коменданта спецпоселка В.А.Харитоновского, мастера лесоучастка К.А.Низовцева, фельдшера поселка Л.А.Шутовой обследовала один из неблагополучных спецпоселков Нижняя Стрига. Он находился в 73 квартале на территории Удимского МЛП в 38 км от Приводино по направлению Удимской узкоколейной железной дороги в 3,5 км от станции Молодых. Территория поселка с обеих сторон имела небольшие склоны к ручью, по обоим берегам которого располагались жилые постройки. На правом - 3 барака, сушилка и столовая. На левом - 3 барака, контора лесоучастка (с медпунктом в одном здании), магазин, баня с пристройкой (прачечная, дезокамера) и 1 дом строился. Земельная площадь вокруг поселка и занятая постройками была не раскорчевана. Грунтовых дорог, связывающих Нижнюю Стригу с другими населенными пунктами, не существовало. Сообщение шло по линии железной дороги, но грузы для спецпоселка доставлялись по ней только в летнее время. Водоснабжение поселка было из колодца, качество воды отмечено комиссией как хорошее. По Нижней Стриге числилось 96 семей (II категории) или 397 человек, что составляло третья часть всех польских граждан Удимского МЛП. Но фактически находилась - 71 семья, или 312 человек.

Распределение жилой площади в спецпоселке Нижняя Стрига [5, л. 15]

№ барака	Всего семей	В них человек	Занято комнат	ОбщаяS(кв.м)	S на 1 чел.
1	15	62	11	138	2,22

2	16	73	12	132,1	1,8
3	34	151	18	219,6	1,45
4	6	26	6	63	2,42
Всего:	71	312	47	552,7	1,77
Молодых	25	85	5	170	2

25 семей или 85 человек из-за отсутствия жилья, временно (уже 8 месяцев), проживали на станции Молодых, где занимали в бараке 5 комнат (в каждой по 5 семей или по 17 человек). В Нижней Стриге в бараке № 4 половину площади занимали рабочие «постоянного кадра» и аппарат мехлеспункта. В бараках №№ 1, 2, 3 стояло 19 «двухтопочных» печей с плитами для отопления 38 комнат и по одной - в остальных. «Заборки» между комнатами у печей не были заложены кирпичами, что повышало пожароопасность. В бараке № 4 - одна печь на 5 комнат, т.ч. в холодную погоду там замерзала вода. Осенью «по линии капстроительства» проводился ремонт комнат (кроме бараков №№ 1 и 4). Качество ремонта оставляло желать лучшего. Печи не побелили, стены не проконопатили, как и косяки у окон, а в полах и потолках оставались большие щели. Для утепления потолков земли насыпали слоем в 3 см. Наружные двери не утеплили. В окнах стояли двойные рамы, но, из-за дефицита стекла, оно было только в наружных, ко всему, без замазки. Из-за отсутствия хозяйственно-бытового инвентаря (столы, тумбочки, табуретки, умывальники, ведра, тазы) люди терпели неудобства, а воду из ручья были вынуждены носить в банках и кастрюльках [5, л. 13].

Трудоспособные в Нижней Стриге составляли 58,2 % к общему числу «водворенных»: 121 мужчина и ПО женщин. Из них работало - 175. Расстановка рабочей силы была следующей: на рубке и возке - 98, погрузке - 10, ремонте дорог - 6, «дроворезке» - 4, на плотницких работах - 17 и на разных - 40. Делянки были отведены «в местах ранее произведенной выборочной рубки» и находились от поселка в 2 км. Лесной массив - елка мелкая. Рабочие были организованы в 8 звеньев (3-8 человек), но комплектование и расстановка людей были неправильными. Например, в звене Карпинского двое были на свалке, двое - на сжигании сучьев, а на обрубке «сучья» и на раскряжевке - по одному. Только в одном звене из восьми рабочих был опытный лесоруб-инструктор (бригадир Низовцев). Его звено вырубало в день до 4,5 км на человека, зарабатывая в среднем по 7,5 рублей. Но и это звено технических норм не выполняло. Остальные звенья из-за отсутствия инструкторов вырубали от 0,8 до 3 км за 8-часовой день, зарабатывая от 2 до 5 рублей на каждого. В результате неопытные лесорубы оказались в худших условиях. Их заработок составлял в месяц 80-100 рублей, а на иждивении многих были семьи в 5 - 7 человек. Инструментами рабочие были обеспечены, но некачественными. Топоры точились напильниками, т.к. на весь лесоучасток было одно маленькое и непригодное точило, а лучковые пилы имели до 4 спаек. Занятым на основных работах (рубка и возка) спецодежда не выдавалась, но валенками эти рабочие были обеспечены полностью. Тем не менее, из-за отсутствия обуви и

одежды не работали 34, а ограничения по здоровью имели 22 человека. Последние могли бы быть использованы на легких работах, как и нетрудоспособные (они «сами просили работу»), но, по словам мастера Низовцева, подсобных работ в поселке не было. Расчеты из-за халатности должностных лиц проводились несвоевременно. Например, завхоз лесоучастка Северный на 2 месяца задержал квитанцию на оплату Владимиру Вацлаву, который 15 дней работал там в кузнице. Лесотехник Макаров в течение полугода не отдавал квитанции Залевичу Михаилу, Смерчуку Степану, Магда Ивану, которые в июле «прочищали просеки». Десятник Линокуров не выписал квитанции 35 рабочим, которые в марте чистили дороги и бунты от снега в Башаровском лесопункте. Следовательно, денег за работу они не получали [5, л. 12].

Снабжение продуктами питания в Нижней Стриге было предусмотрено через магазин Леспродторга, но по сути это был ларек, который снабжал в основном хлебом, часто «недоброкачественным». Например, 10 и 11 января привезенный из пекарни Котовальского лесопункта хлеб был сырым, отдельные буханки весили 2,5 - 2,7 кг, тогда как «вес стандартной формы» 1 - 2 кг. Фактически продукты «шли» через столовую лесоучастка, поэтому макаронных изделий, крупы, рыбы в продаже не было. Кондитерские изделия и сахар поступали в ларек редко и в малых количествах. Эти продукты получала только «основная рабочая сила по заборным книжкам» (занятые на подсобных работах - книжек не имели). На дополнительное питание детей такие продукты, как: сахар, манка, крупы в ларьке «не выдавались, поэтому на вид они выглядели очень слабыми». Из товаров первой необходимости в дефиците были иглы для ручного шитья, а также стаканы, чайные чашки и блюдца (из-за чего в столовой они зачастую терялись). «Жизненно важными товарами» были мыло и керосин. За IV квартал в ларек поступило всего 48 кг хозяйственного мыла, в продажу - 40. Таким образом, каждому из 397 человек доставалось по 1 грамму мыла в сутки, его не хватало даже для мытья рук, не говоря о стирке, бане. Керосин в продаже был, но с перебоями. Некоторые семьи, например, с 25 декабря по 11 января вынужденно сидели без света. За IV квартал в ларек поступило 103 пары валенок, (часть была продана школьникам) и 40 пар детских маленького размера. Не было в продаже теплой одежды. На лесоучасток поступало 67 фуфаяк и 40 ватированных брюк, но они были для тех, кто работал в лесу. Ларек не имел расписания и открывался «по усмотрению продавца». Так, с 5 по 11 января ввиду его отъезда по личным делам ларек был закрыт. Руководство Удимской базы Леспродторга не обращало на это внимания.

Столовая не была оборудована, т.к. «при наличии людей до 400 человек» имелось только 3 стола, 3 скамьи и 3 табуретки. В помещении всего одна печь, которая не обогревала его. Стены изнутри промерзли и заплесневели, к тому же они не были проконопачены. Блюда готовились «разнообразные»: мясные, рыбные, крупяные, но без картофеля и жиров. Фельдшерский пункт обеспечивался медикаментами Котласским райздра-

вом, но при большом числе больных их не хватало, особенно «мазей и жидкостей». В IV квартале были зарегистрированы такие заболевания, как: грипп - 40 случаев, воспаление легких - 4, бронхит - 18, ангина - 9, «фурункулезные» - 13, куриная слепота - 3, гастрит - 17, туберкулез - 1. Много случаев вшивости и чесотки, т.к. не было мыла. Баня «с пропускной способностью 10 человек» обеспечивала потребность при ежедневной топке, но не хватало тазов. Сушилка была одна, и 200 человек, явно, не имели возможности ежедневно просушивать рабочую одежду. Дезокамеру Котласский РИК обязывал оборудовать еще 3 месяца назад, но она не работала - не было градусника. Скучное питание, скученность, отсутствие теплой одежды и обуви создавало угрозу возникновения эпидемических заболеваний. Со дня организации поселка за 10 месяцев зарегистрировано 23 «смертных случая», в т.ч. 2 детей (до восьми лет) - от воспаления легких и 6 по другим заболеваниям. Дети в большинстве своем были истощенными, плохо переносили холод и легко поддавались простудным заболеваниям. В поселке было 58 школьников (8-13 лет), из них 41 записалось в школу, которая была на станции в 3,5 км. С наступлением холодов ее посещало только 29 детей: ходить было далеко, а главное, не в чем. Детей до трех лет было 20, столько же дошкольного возраста. Из-за отсутствия финансирования и нехватки помещений детсада и яслей не было, как и «красного уголка», зато имелась библиотека-передвижка с минимумом художественной литературы. Культурно-массовая работа не велась, народ приходил только на собрания, темы которых были сугубо производственными. В 1940 году Удимскому МЛП было отпущено 63 тысячи рублей на приобретение скота для спецпереселенцев (из расчета по 215 рублей на семью). В Нижней Стриге поляки ссуд не брали из-за отсутствия кормов, за исключением 7 человек. Только трем из них удалось приобрести коз [5, л. 10]. Комиссия была вынуждена признать, что условия, необходимые для нормальной жизни спецпереселенцев, администрацией не созданы. За некачественно проведенный ремонт предлагалось передать материал на виновных в следственные органы для привлечения к ответственности. Во избежание «повальной эпидемии» было предложено перевести на другие участки 120 человек. До амнистии оставалось ровно 5 месяцев...

Литература и источники:

1. Польская ссылка в России XIX - XX вв. Казань. 1998. С. 234.
2. ГАОПДФ АО. Ф. 296. Оп. 1. Д. 470.
3. ГААО. Ф. 2333. Оп. 2. Д. 21. Л. 86.
4. ГААО. Ф. 2591. Оп. 2. Д. 14. Л. 74
5. ГААО. Ф. 5219. Оп. 1. Д. 32.